
УДК 398(=554)
DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-100-107

Ножи персонажей юкагирской сказки: этнографические реалии и фольклорный контекст

П. Е. Прокопьева

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

Аннотация

Проанализированы сказки лесных юкагиrow, где упоминаются ножи персонажей, с точки зрения этнографической действительности и фольклорного контекста. Соотнесение юкагирского слова *чобойэ* 'нож' со словами, имеющими сходный корневой компонент, позволило сделать вывод о таких значениях предполагаемого исходного этимона, как 'резать; бить; колоть'. Этнографические и фольклорные материалы юкагиrow подтверждают вариативность и полифункциональность их ножей. Сказки лесных юкагиrow чаще отражают этнографические реалии, называя ножи, различные по материалу и своему назначению. В некоторых сказочных текстах ножи играют немаловажную роль в характеристике персонажа; вокруг них формируются семантически важные сегменты сюжетов; многофункциональность ножей послужила основой для образных сравнений.

Ключевые слова

юкагирский фольклор, юкагирская этнография, лесные юкагиры, нож, сказка

Для цитирования

Прокопьева П. Е. Ножи персонажей юкагирской сказки: этнографические реалии и фольклорный контекст // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 1 (Вып. 53). С. 100–107. DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-100-107

Knives of Yukaghir fairy tale characters: ethnographic realities and folklore context

P. E. Prokopenva

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS,
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

This paper focuses on the contemporary issue of the objective world in fairy-tale prose. Analysis of its ethnographic basis may facilitate a deeper understanding of the substantive and artistic features of the folklore text, including its symbolic context. An ethnographic and semantic analysis of Forest Yukaghir fairy tales is presented, with particular attention paid to the portrayal of knives. The corpus of this research comprised the fairy tales of the Forest Yukaghirs, assembled from the late 19th to the early 20th centuries. Examination of ethnographic and folklore sources related to the Forest Yukaghirs reveals the multifaceted nature and diverse applications of their knives. Ethnographic realities are prominently featured in the remarkable Yukaghir folklore, particularly in descriptions of knives with diverse materials and uses. Featured in the texts are knives of bone, wood, and iron. The practical application of knives by fairytale characters mirrors

© П. Е. Прокопьева, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 1 (Вып. 53)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 1 (iss. 53)

that of humans, encompassing fishing, preparing food, crafting, and sewing. Alternatively, within folklore imagery, knives can symbolize character size, gender, or a trickster's personality. In fairy-tales, a knife can take on an unreal appearance, corresponding to the image of its owner and the logic of the plot. Plots sometimes feature semantically significant segments that involve a knife. The multifaceted nature of knives provides a basis for figurative comparisons.

Keywords

Yukaghir folklore, Yukaghir ethnography, Forest Yukaghirs, knife, tale

For citation

Prokopeva P. E. Nozhi personazhey yukagirskoy skazki: etnograficheskie realii i fol'klornyy kontekst [Knives of Yukaghir Fairy Tale characters: ethnographic realities and folklore context]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 1 (iss. 53), pp. 100–107. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-100-107

Введение

Фольклор как культурно-историческая память народа отражает специфику его образа жизни и бытового уклада, социальных отношений, традиционного мировоззрения. К этнографической действительности восходит предметный мир сказочного повествования, обращение к которой способствует пониманию содержательных и художественных особенностей сказки, ее символического контекста.

В сказочной прозе лесных юкагиrow, как и других народов, широкое отображение получила их хозяйственно-производственная деятельность. Традиционное хозяйство лесных юкагиrow, локализующихся в таежной зоне верхней Колымы, издревле базируется на охоте и рыболовстве. Вследствие этого одним из распространенных орудий труда, о котором часто говорится в устном народном творчестве, является нож.

Нужно отметить, что такой предмет, как нож, в контексте фольклора становился предметом внимания исследователей. В частности, Т. А. Голованевой показано, что в сказках оседлых коряков, занимающихся охотой и морским зверобойным промыслом, нож – «...это критерий силы и независимости» [Голованева 2016: 60]. В их сказочных повествованиях «владение ножом исключительно человеческое преимущество», и «упоминание ножа в тексте корякской сказки всегда функционально» [Там же: 57]. Согласно Л. Н. Жуковой, одна из работ которой посвящена охотничьему и боевому инструментарию лесных юкагиrow, в фольклорной прозе юкагиrow, записанной В. И. Иохельсоном, нож по частоте называния следует вторым за луком, колчаном и стрелами. В его книге «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» из 65 прозаических текстов разных жанров в 39 названы предметы вооружения и промысла, в том числе в 14 – ножи [Жукова 2023: 43–44]. В целом исследовательницей сделан вывод о том, что «...анализ выборки из фольклорных текстов юкагиrow верхней Колымы демонстрирует наличие единого культурного пространства в пределах конца XIX – конца XX вв., выразившегося в пролонгации предметного мира, касающегося темы войны и промысла» [Там же: 48].

Целью данной статьи является изучение сказок лесных юкагиrow, где упоминаются ножи персонажей, с точки зрения этнографической реальности и смысловой нагрузки текстов.

Источниковой базой послужили прежде всего самые крупные сборники фольклора лесных юкагиrow – «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» [Иохельсон 2005a] и «Фольклор юкагиrow Верхней Колымы» [ФЮВК 1989].

Результаты и обсуждение

В сказочном фольклоре лесных юкагиrow для некоторых персонажей упоминаются ножи, что не только отражает действительный хозяйственно-бытовой инвентарь, но и имеет в части сюжетов значение для развития действия и для характеристики героев.

В. И. Иохельсон писал о юкагирских ножах: «Общее название ножа *чобойэ* (а также *чирхачи*, это старый термин), но у каждого вида ножа имеются и свои названия» [Иохельсон 2005б: 602].

Слово *чобойэ* связано с глаголом *чоу-* ‘резать, нарезать, отрезать, разрезать’ [Прокопьева, Прокопьева 2021: 348], к корню которого, очевидно, восходят самые разные лексемы, например, *чобось* ~ *чобосьэ* ‘берег (высокий)’, *чоболь* ~ *чохоль* ‘биток, совок для сбора ягод’,

предполагающие смыслы ‘быть отрезанным’, ‘срезать; сбить’. Однако этот круг лексических единиц, имеющих, вероятно, один этимологический корень, может быть увеличен и далее за счет таких слов, как *чобинэ* ‘копье’, *чолбай-* ‘толкнуть’, *чолбо-* ‘долбить чем-н. (ударять, делая углубление)’, *чолбо* ~ *чулбо* ‘пешня’, *чолбол* ‘стук’ и др., позволяющих расширить значение исходного корневого компонента до ‘бить, стукнуть, ударить; колоть, проткнуть’ и т. д. Возможно, к списку относится и слово *чуул* ‘мясо’, имеющее второе значение ‘добыча’. Предполагаемый этимон *чо* ~ *чу* углубляет содержание общего понятия «нож» в юкагирской культуре как многофункционального орудия, в чем удостоверяют этнографические факты.

В юкагирских сказочных текстах говорится о ножах из кости, дерева, железа. Так, уточняется, что костяной нож был у Волчонка и тальничный – у Зайчика [Иохельсон 2005а: 42–43].

Из трудов В. И. Иохельсона «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» 1900 г. [Иохельсон 2005а] и «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» 1926 г. [Иохельсон 2005б], изданных по результатам его экспедиционных работ, известно о существовании у лесных юкагиров различного рода железных ножей, о применении ими костяных ножей в прошлом, но насчет деревянных ножей информации нет. О костяных ножах у юкагиров сказано в связи с изделиями из кости: «По материалам юкагирского фольклора можно сделать вывод о том, что до знакомства с металлом они пользовались оружием и инструментами из кости. Из лосиных ребер изготавливали кинжалы, копья и ножи...» [Иохельсон 2005б: 597]. Например, в одном предании, повествующем о первой встрече юкагиров с русскими, рассказывается: «Юкагиры были, с каменными топорами были, с костяными стрелами были, с ножами из реберных костей были, с нартами нартенные (люди) были» [Иохельсон 2005а: 105].

Как указывает Л. Н. Жукова, ножи из камня и кости, а также комбинированные ножи на костяной или деревянной основе с каменными вкладышами в качестве лезвий обнаруживаются на археологических памятниках Якутии времен мезолита и неолита [Жукова 2017: 22–23]. Юкагиры, считает она, использовали каменные и костяные ножи вплоть до конца XVI – начала XVII вв. [Там же: 26].

По поводу деревянных ножей, а именно ножа из тальника, о котором сообщается в сказке о Зайце (ему и принадлежит этот нож) [Иохельсон 2005а: 43], можно полагать, что он сделан из твердой ивовой древесины. По словам верхнеколымских охотников и рыболовов, заостренную палочку в полевых условиях можно использовать как подручное средство при употреблении пищи – ею протыкать, намазывать что-либо, и теоретически с помощью нее вполне можно почистить рыбу и даже разделать туши зайца или оленя, шкуры которых легко сдираются (из материалов автора).

В прежнее время у лесных юкагиров использовались следующие железные ножи.

1. Большим охотничьим ножом *чомо-чобойэ* (букв.: большой нож – прим. П. П.) разделяли лося или оленя, его также использовали при поколке оленя в воде из челнока (см. рис. 1а) [Иохельсон 2005б: 602]. Кроме того, в комментариях к одной из сказок В. И. Иохельсон уточнял, что *чомо-чобойэ* – это «боевое оружие, в виде короткой сабли, якутски называется батас» [Иохельсон 2005а: 69]. Военное назначение данного ножа отмечал и юкагирский ученый Н. И. Спиридонов (Теки Одулок), описывая его как «большой нож на длинной рукоятке вроде секиры, служащий и мечом» [Спиридонов 2003: 11].

2. Еще один большой нож, по В. И. Иохельсону, назывался *чабин-чомо-чобойэ* (*чабил* ‘бедро’ – прим. П. П.), его носили в ножнах, прикрепленных к поясу, и привязывали к левому бедру (см. рис. 1б) [Иохельсон 2005б: 603].

3. Другой нож с тем же названием – *чабин-чомо-чобойэ* имел форму охотничьего копья с лезвием, заточенным с одного края (см. рис. 1в). В. И. Иохельсон характеризовал его: «Тупая сторона такого ножа тяжелая и массивная. Им пользовались для рубки деревьев, когда разводили костер» [Иохельсон 2005б: 603].

4. Нож *шаадайэ* (< *шаал* ‘дерево’, *аа-* ‘делать’, *-йэ* – причастный суффикс – прим. П. П.) с изогнутым вверх острием предназначался, как указывал В. И. Иохельсон, для резьбы, его применяли для окончательной отделки деревянных предметов – долбленной лодки, посуды (см. рис. 1д) [Иохельсон 2005б: 603]. Н. И. Спиридонов конкретизировал *шаадайэ* как «инструмент, деревянный нож для выстругивания лыж» [Спиридонов 2003: 27]. Использование *шаадайэ* с этой конкретной целью зафиксировано и в другом источнике – в школьном

юкагирско-русском словаре, где слово обозначает ‘нож (закругленный, для изготовления лыж)’ [Николаева, Шалугин 2002: 85]. Один из авторов данной учебной книги, лесной юкагир В. Г. Шалугин, 1934 г. р., в связи со сказкой, где этим ножом владеет главный герой мастер *Тиэка* (Белка-Летяга), пояснял нам: «*Шаадайэ* – с длинной ручкой, кладется вдоль локтя. Для обработки камусных лыж» (Материалы автора. Записано в 2001 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия)). В. И. Иохельсон сообщил и об ином применении *шаадаайэ*: «железный круглый нож, вставляемый в рукоятку и служащий женщинам инструментом при выделке шкур» [Иохельсон 2005а: 81].

5. В. И. Иохельсон указал также другой тип ножа с изогнутым лезвием – *эрийэч* [Иохельсон 2005б: 603] (этимология неясна), назначение которого не уточнил.

6. Женский портновский нож *ингдын-чобойэ*, т. е. «нож для шитья» (*ингды-* ‘шить’ – прим. П. П.), «похож на обычный отделочный, только немного шире» [Иохельсон 2005б: 603]. Заметим, что женский нож, как важный предмет хозяйственной повседневности, изображен на одном из юкагирских рисованных писем (см. рис. 2): «Внизу сидит женщина с ножом в руке, а рядом лежит кроильная доска» [Иохельсон 2005б: 618].

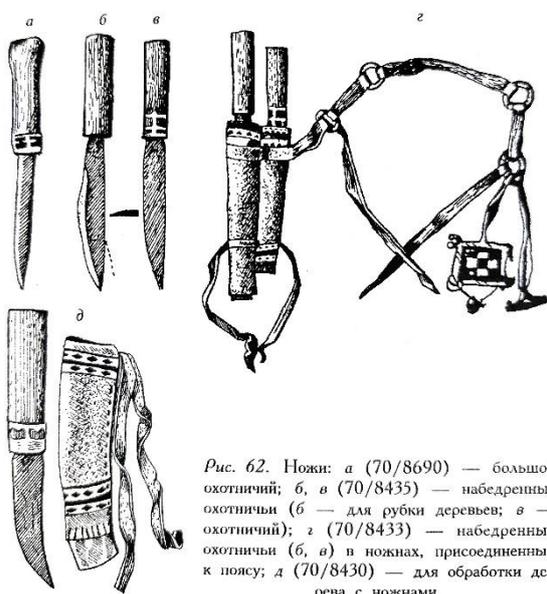

Рис. 62. Ножи: а (70/8690) — большой охотничий; б, в (70/8435) — набедренные охотничьи (б — для рубки деревьев; в — охотничий); г (70/8433) — набедренные охотничьи (б, в) в ножнах, присоединенных к поясу; д (70/8430) — для обработки дерева с ножнами.

Рис. 1. Из книги В. И. Иохельсона «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» [Иохельсон 2005б: 602]. Юкагирские ножи
Figure 1. From V. I. Iokhelson's book "Yukaghirs and Yukaghirized Tunguses" [Iokhelson 2005б: 602]. Yukaghir knives

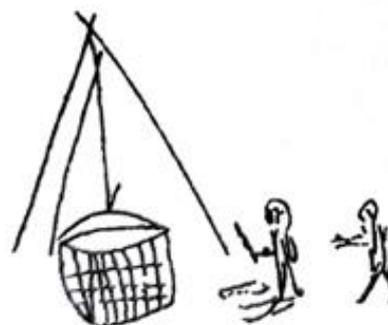

Рис. 2. Из книги В. И. Иохельсона «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» [Иохельсон 2005б: 614]. Юкагирское пиктографическое письмо
Figure 2. From V. I. Iokhelson's book "Yukaghirs and Yukaghirized Tunguses" [Iokhelson 2005б: 614]. Yukaghir pictographic writing

В сказочном фольклоре лесных юкагиров встречается не только устоявшееся общее название ножа *чобойэ*, но и утраченное ныне *чирхачи* ~ *сирхаси*. Сказки свидетельствуют о существовавшем разнообразии ножей в зависимости от их назначения, на что указывают их наименования (выделены мною – П. П.) в оригинальных текстах, например: *Чуольэды-полут монни*: «*Чомодьэ-чобойэндьэ*» ‘Сказочный старик сказал: «**Большой нож** имею»’ [Иохельсон 2005а: 66]; *Чуольэды-тэрикэ тудэ чулгэлэ шадайэлэ шаайэшум* ‘Сказочная старуха свое мясо (тело) **круглым ножом** обтесала’ [Иохельсон 2005а: 79]; *Тудэ шаадаайэгэлэ хажилбэдэгэ мойт, эйрэй, таатмиэдыодэк, йуок* ‘Свой **нож** под мышкой держа, ходит, такой, посмотри’ [Прокопьева 2018: 283, 284].

Персонажи, как и люди в реальной жизни, имеют ножи, используя их для промысла, разделки добычи, изготовления каких-либо вещей, в иных ситуациях, где не обойтись без вспомогательных функций этого орудия. К примеру, Лиса приглашает Лося покататься с горки, а сама ставит на пути нож и таким образом убивает крупное животное [Иохельсон 2005а, текст № 8]; великан Сказочный Старик, представляющий угрозу для людей, владеет большим

ножом, который одновременно является охотничьим, для разделки крупных животных, и боевым [Иохельсон 2005а, текст № 17]; этот же нож есть у обычного старика – его нож, необходимое орудие труда и обязательный личный предмет мужчины, вместе с его сумой видит на дне реки старуха [ФЮВК 1989, ч. 2, текст № 49]; искусный мастер *Тиэка* (Белка-Летяга) со времен первотворения носит под мышкой свой инструмент – строительный нож, с помощью которого улучшал вид птиц и животных («...птицам ноги, крылья делал, такой мастер был. Клювы делал, большим зверям от рогов до ног все делал») [Прокопьева 2018: 282–284]; герой, путешествующий по мирам вселенной, спасается от Морского хозяина, будучи брошенным ему на съедение в трехслойном гробу, просунув в щель нож [ФЮВК 1989, ч. 1, текст № 31; ФЮ 2005, текст № 38].

В юкагирских сказках ножи не только отражают, как правило, этнографические реалии, но и нередко являются частью фольклорного образа. Они могут:

- соотноситься с размером действующих лиц (тальниковый нож у Зайца [Иохельсон 2005а, текст № 6]; боевой нож и он же нож для разделывания крупных животных *чомо-чобойэ* у великана-людоеда Сказочного Старика [Иохельсон 2005а, текст № 17]);

- соответствовать гендеру (большой нож *чомо-чобойэ* у мужчины, выполнявший, как указывалось, функции боевого орудия и инструмента для разделки крупных животных [Иохельсон 2005а, текст № 17; ФЮВК 1989, ч. 2, текст № 49]; нож для выделки шкур *шаадайэ* у женщины-людоедки Сказочной Старухи, несмотря на то, что образ, в связи с которым оговорен нож, несет отрицательную нагрузку [Иохельсон 2005а, текст № 20]);

- дополнять портретную характеристику трикстера, чья маленькая величина и соответствующая его габаритам атрибутика в виде небольшого ножа не мешает являться отчаянным и бесстрашным героем (плут Заяц, представленный как человеческий сын, имеет нож из тальника, с помощью которого избавляется от сильных оппонентов – им он убивает Волчонка и, по всей видимости, им же перерезает ремень, за который ухватился людоед Сказочный Старик [Иохельсон 2005а, текст № 6]);

- сообразовываться с персонажем на основе частичного или полного тождества (считается, что мастер Летяга, помогавший Богу усовершенствовать в эпоху создания мира животных, до сих пор держит свой закругленный нож *шаадайэ* под мышкой [Прокопьева 2018: 282–284], этот фольклорный образ отражает особенности строения летучей белки, имеющей кожную складку между передними и задними лапами; человек по имени Доврэ, пойманный людоедом, отправляет того за ножом к некому мифологическому персонажу, носящему старинное имя ножа – *Сирхаси*, который владеет им [ФЮВК 1989, ч. 1, текст № 27; ФЮ 2005, текст № 29]);

- указывать на пищевые предпочтения (нож из тальника у Зайца может определять его как мелкого животного, которому при поиске пищи нужен маленький нож для несложных манипуляций; костяной, а значит крепкий и острый, нож у Волчонка может описывать его как хищника, способного охотиться на крупных животных [Иохельсон 2005а, текст № 6]);

- маркировать место обитания (Заяц, предпочитающий заросли ивняка, имеет нож из тальника [Иохельсон 2005а, текст № 6]; неслучайно его табуированное название переводится как «у опушек тальников бегающий» [Иохельсон 2005а: 47]).

В сказочных повествованиях, в силу специфики жанра, присутствует фантастический вымысел, поэтому в них реальные предметы быта, в том числе нож, могут приобретать ирреальный вид, согласовываясь при этом с логикой сюжета и образа. Так, в корякском сказочном фольклоре, «глиняный нож предстает пародией на предмет настоящий», а «упоминание ракушки в качестве ножа – это желание рассказчика изобразить самый нелепый нож, которым пользоваться просто невозможно» [Голованева 2016: 60]. В сказке лесных юкагиров охотник Куропатка (данный персонаж известен юкагирскому фольклору преимущественно как Вошь) имеет маленький, под стать себе, нож из чешуи карася, но с его помощью он добывает большого лося изнутри него, когда тот его проглатывает [ФЮВК 1989, ч. 2, текст № 33]. Небольшой, а в образе Вши и вовсе миниатюрный, добытчик лося – это герой, наделенный магическими умениями (в совокупности вариантов сюжета он повелевает ветрами, связанными с разными сторонами света, и использует их для передвижения в пространстве, что аналогично путешествию по мирам; усилием мысли материализует лодку и возвращается на ней домой, что ассоциируется с водной переправой как границей между мирами; добывает лося,

находясь внутри него, подобно обладающим сверхъестественным даром) [Прокопьева 2024], и его облик контрастирует с его исключительными способностями.

В сказочной прозе лесных юкагиров с ножами связаны мотивы и другие значимые сегменты сюжета. Так, в сказке о Лисе [Иохельсон 2005а, текст № 8], содержащей мотив, который в Аналитическом каталоге Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» зарегистрирован как «М94а1. Катание с горы: животные-трикстеры» [Березкин, Дувакин], плутовка предлагает Лосю покататься с горы, сама же ставит на его пути нож, чтобы таким образом добыть животное. В другой сказке [ФЮВК 1989, ч. 1, текст № 27; ФЮ 2005, текст № 29] герой посылает гигантского людоеда, собирающегося съесть его, за ножом («меня твой нож не возьмет») к персонажу по имени *Сирхасии* (Нож), который становится первым звеном в цепочке посредников, ведущей к приобретению волшебного помощника – теленка, который поборет монстра.

Художественная природа сказки проявляется в наличии образности. Нож как предмет, предполагающий отсечение, дробление, связанный с принятием пищи, ассоциирован в юкагирском фольклоре с зубами или клювом: например, на просьбу Волка о помощи, чей хвост замерз в рыболовной ловушке, Мышь отвечает, что ее нож очень маленький, и все же долго грызет его хвост, пытаясь освободить несчастного [Иохельсон 2005а, текст № 26]; Ворон, хвастаясь своим обильным пропитанием в виде костного мозга диких оленей, называет свой клюв большим ножом *чирхачи* без рукоятки [Иохельсон 2005б: 345].

Таким образом, языковые, этнографические и фольклорные материалы лесных юкагиров удостоверяют в том, что нож в традиционной юкагирской культуре являлся чрезвычайно важным орудием труда. В юкагирских сказках показаны разные по материалу и назначению ножи. Ножи в сказочных повествованиях не только отображают этнографические реалии, их включение в сюжетную канву может быть семантически значимо, так как способствует созданию образа и развитию действия.

Заключение

Соотнесение юкагирской лексемы *чобойэ*, выражающей общее понятие ножа, с другими словами, имеющими сходный корневой компонент, указывает на широкое значение исходного этимона, подразумевающего смыслы ‘резать; бить; колоть’. Вариативность и полифункциональность ножей у лесных юкагиров подтверждается этнографическими и фольклорными данными.

Материалы В. И. Иохельсона свидетельствуют о разнообразии железных ножей у лесных юкагиров в конце XIX – начале XX вв., применявшихся в разных видах хозяйственно-производственной деятельности.

В сказочном фольклоре лесных юкагиров широко отражен тот факт, что в их традиционной культуре нож являлся необходимым универсальным орудием. В основном сказки демонстрируют этнографическую действительность юкагиров, сообщая о различных ножах, имевших бытование в разное историческое время, которые различаются по материалу и своему назначению. В то же время в сказочных сюжетах ножи играют немаловажную роль в создании портрета героя; вокруг них формируются мотивы и другие семантически важные части сюжетов; многофункциональность ножей становится основой для образования метафор, участвующих в реализации сказки как художественного текста. В целом сказки лесных юкагиров, рассмотренные в контексте темы ножа, служат еще одной своеобразной иллюстрацией фольклора, передающего предметный мир в образном осмыслении.

Список литературы

Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 15.06.2024).

Голованева Т. А. Нож как критерий силы и независимости в фольклоре оседлых коряков // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2016. № 2 (Вып. 31). С. 57–62.

Жукова Л. Н. Традиционные формы ножей аборигенного населения Колымы и Чукотки: от каменной индустрии к изделиям из железа // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 4. С. 22–28.

Жукова Л. Н. Фольклор и этнография о вооружении лесных юкагиров (конец XIX – конец XX вв.) // Фольклор палеоазиатских народов: IV Международная научно-практическая конференция (8–11 ноября 2022 г.): сб. материалов. Южно-Сахалинск: Островная библиотека, 2023. С. 41–49.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а. 272 с.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005б. 675 с.

Николаева И. А., Шалугин В. Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхне-колымский диалект): учеб. пособие для уч-ся нач. шк. СПб., 2002. 224 с.

Прокопьева П. Е. Юкагирская сказка о маленьком охотнике на лося: семантика образа (в сопоставлении с якутской сказкой) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 6. С. 1803–1808.

Прокопьева П. Е. Устная несказочная традиция юкагиров. Новосибирск: Наука: Издательство СО РАН, 2018. 308 с.

Прокопьева П. Е., Прокопьева А. Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). Новосибирск: Наука, 2021. 412 с.

Спиридонов Н. И. (Теки Одулок). Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь. Якутск: Якут. гос. ун-т, 2003. 57 с.

ФЮ – Фольклор юкагиров / Сост. Г. Н. Курилов. М.; Новосибирск: Наука, 2005. 594 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25).

ФЮВК – Фольклор юкагиров Верхней Колымы / Сост. Жукова Л. Н., И. А. Николаева, Л. Н. Дёмина. Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1989. В 2-х ч. Ч. 1. 161 с. Ч. 2. 89 с.

References

Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam: Analiticheskiy katalog* [Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs by areas: Analytical catalog]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (accessed: 15.06.2024). (In Russ.)

Fol'klor yukagirov [The folklore of the Yukaghirs]. G. N. Kurilov (Comp.). Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2005, 594 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 25). (In Russ. and Yukagh.)

Fol'klor yukagirov Verkhney Kolymy [The folklore of the Upper Kolyma Yukaghirs]. L. N. Zhukova, I. A. Nikolaeva, L. N. Demina (Comps.). Yakutsk, YSU Publ., 1989, pt. 1, 161 p.; 1989, pt. 2, 89 p. (In Russ. and Yukagh.)

Golovaneva T. A. Nozh kak kriteriy sily i nezavisimosti v fol'klоре osedlykh koryakov [The knife as a criterion of strength and independence in the folklore of the settled Koryaks]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2016, no. 2 (iss. 31), pp. 57–62. (In Russ.)

Iokhel'son V. I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [The materials for Yukaghir language and folklore study collected in the Kolymsky district]. Yakutsk, Bichik, 2005a, 272 p. (In Russ.)

Iokhel'son V. I. *Yukagiry i yukagirizirovannyye tungusy* [The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus]. Novosibirsk, Nauka, 2005b, 675 p. (In Russ.)

Nikolaeva I. A., Shalugin V. G. *Slovar' yukagirsko-russkiy i russko-yukagirskiy (Verkhnekolymskiy dialekt): Ucheb. posobie dlya uch-sya nach. shk.* [Dictionary of Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir (Verkhnekolymsky dialect): Textbook for elementary schools]. St. Petersburg, 2002, 224 p. (In Russ.)

Prokopeva P. E. Yukagirskaya skazka o malen'kom okhotnike na losya: semantika obraza (v sopostavlenii s yakutskoy skazkoy) [The Yukaghir tale of the little moose hunter: Semantics of the image (in comparison with the Yakut fairy tale)]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2024, vol. 17, iss. 6, pp. 1803–1808. (In Russ.)

Prokopeva P. E. *Ustnaya neskazochnaya traditsiya yukagirov* [The oral untold tradition of the Yukaghirs]. Novosibirsk, Nauka, SB RAS Publ. House, 2018, 308 p.

Prokopeva P. E., Prokop'eva A. E. *Yukagirsko-russkiy slovar (yazyk lesnykh yukagirov)* [Yukagh-ir-Russian dictionary (Language of the Forest Yukaghirs)]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 412 p. (In Russ., Yukagh.)

Spiridonov N. I. *Yukagirsko-russkiy slovar'. Evensko-russkiy slovar'* [Yukagh-ir-Russian dictionary. Even-Russian dictionary]. Yakutsk, YSU Publ., 2003, 57 p. (In Russ. and Yukagh.)

Zhukova L. N. Fol'klor i etnografiya o vooruzhenii lesnykh yukagirov (konets 19 – konets 20 vv.) [Folklore and ethnography about the armament of Forest Yukaghirs (late 19th – late 20th centuries)]. In: *Fol'klor paleoaziatskikh narodov: IV Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (8–11 noyabrya 2022 g.): sb. materialov* [Folklore of the Paleoasiatic peoples: IV International Scientific and Practical Conference (November 8–11, 2022): coll. of materials]. Yuzhno-Sakhalinsk, Ostrovnaya biblioteka, 2023, pp. 41–49. (In Russ.)

Zhukova L. N. Traditsionnye formy nozhey aborigennogo naseleniya Kolymy i Chukotki: ot kamennoy industrii k izdeliyam iz zheleza [Traditional knife shapes of the indigenous population of Kolyma and Chukotka: from the stone industry to iron products]. *Humanities Research in the Russian Far East*. 2017, no. 4, pp. 22–28. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

6.02.2025

Сведения об авторе Information about the Author

Прасковья Егоровна Прокопьева – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Praskovya E. Prokopeva – Candidate of Pedagogy, Leading researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: pproe@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9413-6093